

**КАЙЗЕР ВИЛЬГЕЛЬМ II: «РЕЖИМ ЛИЧНОГО ПРАВЛЕНИЯ»
ИЛИ «ПОЛИКРАТИЯ»**

В статье рассматриваются результаты исследований британских, американских и немецких ученых, посвященных личности германского императора Вильгельма II и режима его правления. Особый акцент сделан на сравнении полярных оценок характера монархического режима. Отмечается, что британские и американские ученые выступают против принижения роли кайзера в модернизации политической системы Германии.

Ключевые слова: авторитаризм, мировая политика, неограниченная подводная война, персонифицированный подход, поликратический хаос, режим личного правления, структуралистский подход, теневой кайзер.

В 2003 г. в Великобритании в связи с 65-летием Джона Рёля вышел научный сборник (редакторы Анника Момбауэр и Вильгельм Дайст) под общим названием «Кайзер. Новейшие исследования роли Вильгельма II в имперской Германии» [1]. Значительную часть этого внушительного издания составили статьи британских, американских и немецких ученых, занимающихся изучением роли императора в истории падения Второго рейха. Все авторы единодушно отметили, что Джон Рель внес наиболее значительный вклад в освещение этой проблемы, особенно по вопросу режима личного правления. Однако в оценке личности самого кайзера Вильгельма II британские и американские ученые, с одной стороны, и немецкие исследователи, представители школы социальной истории, с другой стороны, не столь единодушны.

В статье «Концепция структуры и действия в истории Германии вильгельмовского периода: история Германской империи – прошлое, настоящее и будущее» американский ученый Волкер Р. Бергхан, подчеркивая большие заслуги Рёля в разработке проблем вильгельмовской Германии, анализирует историографические подходы в изображении кайзера Вильгельма II [2, р. 281–283]. Он солидарен с другими американскими историками Джефом Эли и Дэвидом Блэкберном [3] в том, что биографический подход достиг своего предела полезности. Более правильно было бы сфокусироваться на контексте событий, а не на жизни отдельных личностей. Ученые особенно критикуют исторические труды, написанные с позиций психоанализа: «Если биография хочет иметь будущее, она должна увязываться не с трудно понимаемыми психоаналитическими рассуждениями, а с социологической или антропологической концепциями понимания личности». В то же время Бергхан заявляет, что и «структуралистский» подход «идет вразрез с границами его объяснительной способности». Называя «великим и ужасным» Ганса-Ульриха Велера (лидера немецкой социально-критической Билефельдской школы), историк сомневается в том, «насколько изучение процесса принятия решений, бюрократических инстанций, законодательных палат,

* © Садовая Г.М., 2010

Садовая Галина Михайловна (denis@mdc.samara.ru), кафедра зарубежной истории Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

правительственных министров, группировок экономического и идеологического давления, политических партий может привести к пониманию главных вопросов истории современной Германии» [2, p. 283].

Тем не менее американские историки по-прежнему тщательно изучают историческую роль императора и его окружения, опираясь на позиции персонифицированного подхода. Профессор Корнельского университета Изабель Халл, автор солидной монографии и ряда статей о Вильгельме II, считает, что главная политическая инновация Вильгельма — это концепция мировой политики (*Weltpolitik*), основной целью которой было превращение Германии из обычной европейской страны в мировую державу. Но в конечном итоге оказалось, что к началу войны правление императора привело не к созданию мировой державы, а к тому, что страна нажила себе еще большее количество врагов [4, p. 235]. Нестабильность, непоследовательность Вильгельма, его неуместное вмешательство во внешнюю политику, его многочисленные политические просчеты — все это служило отличной пищей для самых разных критиков и способствовало удалению его от яркого, блистательного, что называется — «на виду» — исполнения своей власти [4, p. 236]. Первая Мировая война выявила последнюю стадию угасания монархической власти, когда Вильгельм II с головой окунулся во все возникшие проблемы, но Германия так и не получила продуманной стратегии поведения в военное время. Власть монарха ускользнула от Вильгельма и перешла к Гинденбургу, который становился чем-то вроде «эрзац-кайзера» [4, p. 237].

Вместе с тем И. Халл, в отличие от немецких авторов, считает, что кайзер Вильгельм II в действительности был более активен в формировании политики военного времени, чем это кажется на первый взгляд. Идея о пассивности, нерешительности кайзера явилась продуктом политической полемики военного времени, инициированной изначально гросс-адмиралом А. фон Тирпицем, который был не согласен с решениями кайзера по кадровым вопросам (с лояльностью императора по отношению к канцлеру Бетман Гольвегу и ко второму начальнику генерального штаба генералу Эриху фон Фалькенгейну), а также с его стратегией войны на море (удержание боевого флота на берегу и сдерживание неограниченной подводной войны) [4, p. 237]. После войны такое толкование событий Тирпицем стало общепринятой точкой зрения. Согласно этому мнению признавалось, что Вильгельм не смог координировать военную и гражданскую политику. Но что более важно — такая позиция, по мнению Халл, позволяет очень удобно переместить всю вину за поражение в войне на одного человека, оправдывая тем самым все остальные крупные государственные институты и их сторонников, и в особенности, германскую военную элиту. В действительности, Вильгельм выбирал более умеренный и реалистичный курс ведения войны, по сравнению с Тирпицем, или позднее — с Людендорфом и Гинденбургом [4, p. 238]. Он блокировал негодные ему кадровые назначения (например, Тирпица), которые могли перевести политику страны в еще более радикальное русло.

Иную точку зрения приводит Катарина Лерман, ученица и последовательница Реля: кайзер, безусловно, был крайне опасной политической фигурой в международных отношениях вплоть до 1914 года, но некомпетентность канцлера Бюлова, его неэффективность, отсутствие четкой ориентированности, а также его постоянные попытки манипулировать Вильгельмом с помощью лести и лжи, вместо того чтобы разрабатывать ясную и реалистичную политическую концепцию — все это делает Бюлова ответственным за грубые просчеты в германской внешней политике во время режима «личного правления» с 1897 по 1909 годы [5, p. 49–51].

В своих многочисленных трудах, посвященных биографии кайзера, Рель показывает монарха как активную, но неуравновешенную, непоследовательную личность, которая страстно желала обладать единоличной властью, но более современным обра-

зом. Вильгельм II воспользовался той огромной, неограниченной властью, которая возлагалась на монарха, особенно в том, что касалось внешней политики и военного командования. Император успешно создал имидж новой, промышленно развитой Германии, обладающей военной мощью. Его политика – построение военно-морского флота вкупе с энтузиазмом в отношении современных технологий, промышленности и науки – отдала от него консервативную партию, но зато другие патриотические силы надеялись, что он действительно приведет Германию к славе, поскольку народ истосковался по национальному лидеру, который смог бы воплотить идею о современной Германии.

Рель не отходит от своего ключевого аргумента о решающем влиянии императора на ход германской, да и мировой истории. Предел, до которого распространялась личная и официальная власть Вильгельма, стал центральным вопросом во всех последовавших исторических дискуссиях. К. Лерман, анализируя взаимоотношения кайзера с берлинским чиновничьим аппаратом, приходит к выводу, что безымянные бюрократы (боролись ли они внутри «авторитарной поликратии», отвечая за каждое важное решение, принимаемое в прусско-германской истории на протяжении этих десятилетий, или поддерживали современную, буржуазную политику индустриального капитализма), за исключением четырех канцлеров, зачастую бились друг с другом и отодвигались на задний план другими, более мощными политическими факторами [6, р. 64].

Рель верит, что политика Германии могла бы повернуть совсем в другую сторону, «если бы борьба за власть между кайзером и другими ведущими государственными деятелями закончилась по-иному» [7, р. 16]. Британский профессор Алан Скед высоко оценил труды Реля, считая что в центре его исследования нахлдятя вопрос о «шансах на выживание монархической формы государственного управления в XX веке», а также проблема «непрерывности и соответственно безжалостности германской истории в ее эволюции от основания империи к Третьему рейху» [8].

С одной стороны британский ученый Мэтью Стиббе, разрабатывающий тему неограниченной подводной войны, явившейся главной причиной поражения Германии, дает негативную и противоречивую оценку кайзеру. Вильгельм II обвиняется им в том, что не сумел занять эффективную посредническую позицию между двумя сторонами во время дебатов о подводной войне и связанных с нею вопросах, таких как военные цели [9, р. 217]. В действительности император стал периферийной фигурой в процессе принятия решений, «теневым кайзером», без какого-либо значительного влияния на курс и ход войны [9, р. 218].

С другой стороны Стиббе подтверждает тезис о том, что император использовал свое положение главнокомандующего флота для того, чтобы блокировать любые маневры, которые могли привести к преждевременному столкновению германского флота с британским королевским флотом в первые недели войны. В этом отношении он был заодно с канцлером Бетман Гольвегом, который хотел сохранить германский боевой флот невредимым как можно дольше, так как он мог бы служить весомым аргументом в последующих мирных переговорах [9, р. 219]. Кроме того, Вильгельм также сохранял за собой право смещать и назначать людей на все главные военные и гражданские посты как в Пруссии, так и в империи в целом. В этом смысле, по оценке американского ученого Х. Афлербаха, Вильгельм был способен продемонстрировать свою непрекращающуюся важность как верховный главнокомандующий [10, р. 208–210]. Вильгельм не желал быть теневым кайзером и пытался сохранить за собой свою персональную ответственность при принятии решений. Реальность была такова, что в усложнившемся сплетении властных структур верхушка немецкой импе-

рии стала представлять собой «поликратический хаос» [11, s. 31]. В этом выводе Аффлербах солидарен с немецкими историками, очень критично оценивающими личность императора в целом.

Роль кайзера Вильгельма II анализируется и в статье немецкого ученого Р.Ф. Хазе «Использование личной дружбы: режим личной власти Вильгельма II и Теодор Рузвельт, 1901-1909». Вклад императора в строительство мировой державы интерпретируется как вредоносный и в целом прискорбный для страны, не соответствующий рациональному поведению Германии на мировой арене. С этой точки зрения, канцлеры Германии, и в особенности Бюлов, а также штат опытных дипломатов из Министерства иностранных дел являлись центром всего процесса принятия решений по внешней политике [12, p. 145]. Немецкий историк Велер утверждает, что правление Вильгельма II вплоть до 1914 года следует считать «несогласованным авторитаризмом» [13, p. 62], поскольку этот период характеризуется различными, хорошо организованными к тому времени социально-политическими силами, которые медленно заполняли парламентское и внепарламентское пространство, способствовали формированию блоков друг с другом и привели страну к общему политическому параличу. Все эти силы двигались яростно и безумно, пытаясь утвердить свои группировки как исторические субъекты. Однако они были неспособны окончательно перебороть своих конкурентов.

В обобщающем труде по истории Германии, вышедшем в 1995 г., Велер объявил, что весь период правления императора в 1890–1914 гг. можно подвести под термин «авторитарная поликратия», когда кайзер превращался в «теневого» монарха. Власть делили разные группы влияния, Велер называет их анонимными силами, поскольку за спиной императора стояли фигуры, не предусмотренные конституцией [14, s. 1018–1020].

На наш взгляд, разногласия в оценке режима Вильгельма как «личного правления» или режима «поликратии» происходит по причине разностных методологических подходов. Рель и другие англосаксонские исследователи изучают узкую проблему (императорский двор, берлинскую администрацию, военную элиту) на основе личных документов, дневников, писем, а Велер исследует функционирование политической системы и государственных структур, забирая более широкое пространство. Дискуссионность характера режима правления указывает на особенности сложившейся государственной системы власти в Германии, безусловно, отличной от английской. Важно и другое: монарх объективно позволял реформировать политическую систему в направлении парламентской демократии, против него не было создано сплоченной оппозиции ни в мирное, ни в военное время.

Библиографический список

1. Mombauer A., Deist W. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
2. Berghahn V.R. Structure and agency in Wilhelmine Germany: the history of the German Empire: past, present and future. // Mombauer A., Deist W. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
3. Blackbourn D., Eley G. The Peculiarities of German History. Bourgeois Society and Politics in Nineteenth Century Germany. Oxford, 1984.
4. Hull I.V. Military culture, Wilhelm II, and the end of the monarchy in the First World War. // Mombauer A., Deist W. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

5. Lerman K. A. The Chancellor as Courtier. // Der Ort Kaiser Wilhelm II. In der Deutschen Geschichte. Herausgegeben von John C.G. Röhl unter Mitarbeit von Elisabeth Müller-Luckner. R. Oldenbourg. München: Verlag München. 1991.
6. Lerman K. The Kaiser's elite? Wilhelm II and the Berlin administration, 1890-1914. // Mombauer A., Deist W. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
7. Röhl J.C.G. Wilhelm I. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie 1888–1900. Munich, 2001.
8. Sked A. Рец. на книгу: Röhl, John C. G. The Kaiser and his Court. Wilhelm II and the Government of Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. URL: <http://www.history.ac.uk/reviews/paper/sked-html>.
9. Stibbe M. Germany's 'last card'. Wilhelm II and the decision in favor of unrestricted submarine warfare in January 1917. // Mombauer A., Deist W. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
10. Afflerbach H. Wilhelm II as Supreme Warlord in the First World War // Mombauer A., Deist W. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
11. Kaiser Wilhelm II. Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg. Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918. Bearbeitet und eingeleitet von Holger Afflerbach. R. Oldenbourg. München: Verlag München, 2005.
12. Hase, Ragnhild Fiebig-von. The uses of "friendship". The "personal regime" of Wilhelm II and Theodore Roosevelt, 1901–1909. // Mombauer A., Deist W. The Kaiser. New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
13. Wehler H.-U. The German Empire, 1871–1918. Leamington Spa, 1985.
14. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Dritter Band. Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. 1849–1914. München: Verlag C.H. Beck, 1995.

*G.M. Sadovaya**

KAISER WILHELM II: «PERSONAL RULE» OR «POLYCRACY»

This article considers results of researches performed by British, American and German historians and devoted to Wilhelm II, the German emperor. Special attention was given to comparison of diametrically opposed assessments concerning monarchical regime nature. It is noticed that British and American scientists oppose belittling of the Kaiser's role in modernization of political system of Germany.

Key words: authoritarianism, world politics, unrestricted submarine war, personalized approach, polycratic chaos, regime of personal government, structural approach, shadow Kaiser.

* *Sadovaya Galina Mihailovna* (denis@mdc.samara.ru), the Dept. of Foreign History, Samara State University, Samara, 443011, Russia.